

УДК: 001.5 + 316.773

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ КОММУНИКАЦИИ

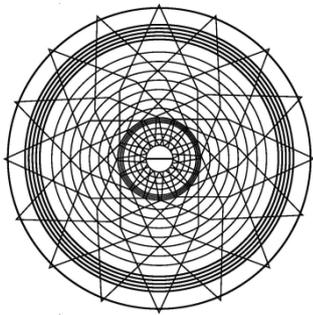
(РАСШИФРОВКА ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ
9 ИЮЛЯ 2015 г.)

Крэйг Р.

Профессор-эмерит Университета Колорадо, Боулдер, США.
Основатель и первый главный редактор журнала
“Communication Theory”. В 2003–2004 гг. президент
«Международной коммуникативной ассоциации»
robert.craig@colorado.edu

Аннотация:

Среди всех интеллектуальных дисциплин, которые наполняют академическое сообщество, практические дисциплины имеют свою особую миссию –развивать определенные области социальной практики. Практические дисциплины исторически развиваются в академических учреждениях частично в ответ на социокультурные тренды, которые выделяют конкретные области практики в качестве значимых и проблемных. Именно так с начала XX века возникла сама тема «проблемы коммуникации» в современном обществе. И эта тенденция, я полагаю, сформировала правомерный социокультурный фундамент, на котором было основано возникновение науки о коммуникациях как академической дисциплины. Однако, по моему мнению, практическая дисциплина должна быть не только практической, она должна быть также и дисциплиной» [Craig, 2008, p.19]. Если социокультурная правомерность академической дисциплины строится главным образом на ее практической значимости, ее законность в качестве дисциплины основана на ее институциональном присутствии, интеллектуальном качестве и выраженности ее вклада в знание в качестве исследовательского поля, совмещающего знание с практикой. Проблема «теории и практики», таким образом, первостепенна для этой дисциплины и в теоретическом, и в практическом измерении. С точки зрения теории, проблема в том, чтобы углубить наше знание и понимание коммуникации таким образом, чтобы мы могли объяснять или даже изменять коммуникационные практики в обществе. С точки зрения практики проблема в том, чтобы культивировать рефлексивные практики коммуникации, которые помогли бы нам применить наши знания и понимание коммуникации к практическим проблемам. Поскольку совмещение теории и практики жизненно важно для коммуникации как практической дисциплины, в рамках этой лекции я рассмотрю некоторые философские воззрения на эти проблемы, которые от античности до наших дней складывались на Западе. А

также, основываясь на этом, приведу свои критические размышления относительно отдельных теоретико-методологических подходов к совмещению теории и практики, которые в данный момент имеют потенциал для развития исследований в сфере коммуникации. В число таких подходов будут включены «культурно-историческая теория», возникшая под влиянием традиций русской мысли, а также подход «приземленной практической теории», развивавшийся под влиянием американского прагматизма..

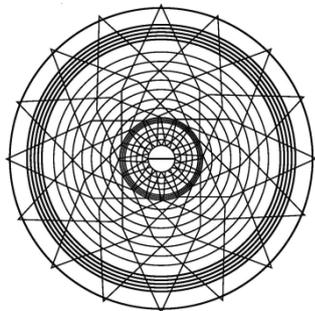
Ключевые слова: наука о коммуникациях, теория коммуникаций, теория и практика, практическая теория

Дорогие коллеги, я очень рад быть здесь, на этом важном для меня событии, посвященном развитию коммуникационных исследований в России.

В течение последних десяти лет я взаимодействовал с российскими коллегами. Так, я принимал участие в конференции Российской коммуникативной ассоциации в Санкт-Петербурге в 2006 году и опубликовал статью в журнале "Russian Journal of Communication" под редакцией Игоря Клюканова [Craig, 2008]. Первая моя статья, опубликованная в этом журнале, была посвящена вопросу о том, какой потенциал имеет наука о коммуникации как дисциплина в ряду других академических дисциплин. Я попытался показать, что научные дисциплины базируются на различных основаниях, но для науки о коммуникации главным является наше отношение к практическим проблемам в обществе, тому, что называют проблемами коммуникаций. Это основа для раскрытия потенциала данной дисциплины. Однако для нее важно быть не только практической, но и академической теоретической дисциплиной. Мы должны развивать интеллектуальный набор ресурсов для решения практических проблем.

И потому в моем выступлении сегодня я не собираюсь повторять то, что я написал в этой статье, но скорее я хочу отойти от идеи практической дисциплины и поднять вопрос о том, как в такой дисциплине взаимодействуют теория и практика, т.е. проблему теории и практики. Я хочу рассказать о том, что значит научная проблема в контексте практической дисциплины, и хочу начать разговор о методах или способах использования этого отношения между теорией и практикой. Я собираюсь немного поговорить о понятии практической дисциплины и затем представить идею «приземленной практической теории» - определенного методологического подхода для развития теоретических представлений через взаимодействие с коммуникационной практикой. Далее я намерен сравнить методологический подход, основанный на традициях практической философии Аристотеля, с философией прагматизма, сложившейся в США.

Я собираюсь также провести параллель с культурно-исторической теорией, которая укоренилась в российских интеллектуальных традициях. Далее я проведу сравнение «приземленной практической теории» и культурно-исторической теории, покажу их сходство и различие. И перейду к заключению. Поскольку у меня не слишком много времени, я буду быстро переходить из одной темы к другой, однако я надеюсь, что смогу по крайней мере представить некоторые концепции, проблемы, которые будут обсуждаться на данной конференции.

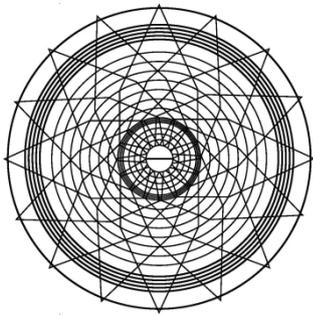

Позвольте мне начать с концепции практики. Это определение, которое я дал данному понятию. Практика - это согласованный набор часто встречающихся видов деятельности, которые являются важными и значимыми среди людей, знакомых с определенной культурой [Craig, 2006]. Это определение практики основано на культуре. Я считаю, что коммуникация в этом смысле – тоже практика. Но существует много видов практики, в частности, коммуникационные практики. Они могут рассматриваться по-разному – в зависимости от степени дробления, детализации и специфики. Поэтому мы можем сказать, что социальные медиа являются практикой в современных коммуникациях. Facebook и Twitter также могут считаться практиками. Если вы знакомы с Facebook, то там существует практика "лайков" и удаления из друзей. Это отдельные практики, разные уровни внутри большой практики социальных медиа.

С моей точки зрения, если говорить о существовании коммуникационной практики в обществе, очень важным является не только то, что мы делаем, но также и то, что мы говорим о наших действиях. Другими словами, социальные практики всегда становятся предметом обсуждения. И я обращаюсь к этому как к нормативному метадискурсу, потому что имеется в виду то, как мы должны поступать, например, как использовать Facebook, какие способы в этом отношении хороши, а какие – не очень. Это темы, которые обсуждают люди, знакомые с такого рода практикой и имеющие свое мнение о ней. В таком случае мы имеем дело с эмпирическим феноменом, который состоит в том, что в обществе, как в социальных коммуникациях в широком смысле, так и в медийной репрезентации, мы можем изучать обсуждение коммуникационной практики. Люди рассказывают о событиях, в которые они были вовлечены.

Мы можем сказать, действительно ли это была замечательная беседа или, наоборот, скучная. Мой Facebook выходит из-под контроля и т.д. Мы рассказываем истории, мы критикуем, мы занимаемся планированием. Например, эта конференция была спланирована людьми, которые обсуждали коммуникации, происходящие здесь, как они должны быть структурированы. Все это метадискурс. И когда мы в него вовлечены, мы разрабатываем нормы для коммуникации, общие убеждения о том, как мы должны общаться. Это социальное явление. В метадискурсе всегда есть специализированный словарь, другими словами, мы разрабатываем язык для разговора о конкретной практике. И с развитием этого языка, если практики считаются довольно важными, появляются специалисты, люди, которые занимаются практикой и являются специалистами в ней, у которых есть технический способ говорить о том, что происходит. Теория возникает из социальной практики по мере того как метадискурс становится более сложным. Мой аргумент заключается в том, что дисциплина или наука о коммуникации появилась в обществе как расширение обычного метадискурса, обыкновенного разговора в обществе о коммуникациях. Наша дисциплина существует внутри практики коммуникаций, а не как что-то отделенное от практики.

Я хочу еще немного рассказать об идее практической дисциплины, о методе «приземленной теории практики». Это идея, которую я разработал с Карен Трейси в 1990-е годы [Craig, Tracy, 1995]. Опять же, она связана с разработкой теории коммуникации из взаимодействия с практикой коммуникаций и обычного метадискурса. Мы определяем ее как «приземленное» описание, критику и теоретическую реконструкцию коммуникационных проблем, техник и условных идеалов. И мы могли бы сказать, что это своего рода нормативная теория, иными словами, это не эмпирическая научная теория. Ее цель не объяснить и предсказать коммуникационные явления, а

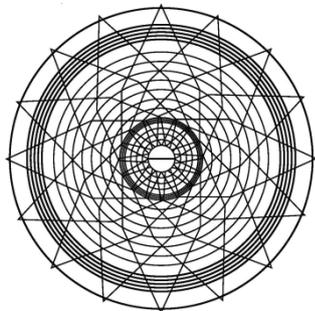
способствовать формированию размышлений о нормативных вопросах. Иными словами, какими должны быть коммуникации. Что нам нужно делать, как мы должны коммуницировать.

Эта разновидность теории обращается к фундаментальным вопросам такого рода. Но не столько с философского дискурса, сколько эта теория обращается к ним, в первую очередь, через взаимодействие с обычным метадискурсом. Другими словами, она укоренилась в эмпирическом описании и критическом размышлении о коммуникационных практиках. И целью является соединение теоретического дискурса с нормативным дискурсом в обществе. Поэтому мы относимся к этому как к слабой нормативности, в том смысле, что эта теория не говорит нам, как нужно коммуницировать, не предлагает своего рода абсолютный вопрос как нормативную основу коммуникаций. Скорее, она предлагает обоснованные аргументы, почему определенные вещи должны быть приняты во внимание, в то время как мы делаем выбор в нашем коммуникационном поведении.

Вернемся к идее практической дисциплины. Этот метод «приземленной практической теории» основывается на философии практико-ориентированной научной дисциплины. И с этой точки зрения основная цель коммуникационной дисциплины – сформировать практику общения в обществе [Craig,1989]. Концепция практико-ориентированной научной дисциплины восходит к философии Аристотеля, в частности понятиям праксиса и фронезиса, а также к философскому прагматизму, особенно творчеству Джона Дьюи. Когда мы обсуждаем то, что я должен делать, знание практической дисциплины становится полезным.

Иначе Аристотелем воспринимаются науки теоретические, например математика или логика. Это предметы абсолютного знания. Многое можно продемонстрировать с помощью математических или логических доказательств. Это внутреннее, неизменное знание. Так понимается наука у Аристотеля.

Данная концепция, хотя и устаревшая, помогает нам различать знание, ориентированное на практические проблемы. Поэтому в схеме Аристотеля практические науки имеют в качестве своей основной цели правильное действие. Другими словами, цель этих наук - помочь нам успешно действовать. Объект - действие. Для Аристотеля цель практико-ориентированной науки, как и этической или политической теории, - помочь нам в дискуссии по поводу выбора, который мы делаем в своем поведении. Также важно отличить ее от "науки производства" (или «техне» на греческом языке). Отсюда специфическое понимание риторики, которая была «техне» для Аристотеля. Риторика – это наука о составлении речей. Это наука о нахождении способов убеждения, которые позволят вам построить эффективную речь. Это техническое знание, «техне». Но этого знания на самом деле недостаточно для оратора, потому что ему, естественно, нужно знать, как составлять речь. Оратор также должен знать, когда нужно произнести речь. Спикер должен знать, что он или она должны сказать в той или иной ситуации. И это знание не содержится в техническом объекте риторики. Скорее он полагается на практическую мудрость, на фронезис, используя терминологию Аристотеля. Мудрость о том, когда и что ты должен говорить, относится к практике или практическому знанию. Поэтому очевидно, что область коммуникаций включает в себя все эти виды знаний. Есть философские вопросы внутреннего значения о коммуникациях. Есть много технических вопросов о том, как коммуницировать. И моя мысль заключается в том, что суть дисциплины коммуникаций -

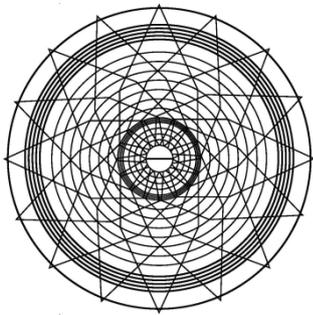

в практических вопросах о том, как правильно общаться, как делать правильный выбор в нашей коммуникации.

Так как же «приземленная практическая теория» служит этой цели? Будучи вполне конкретным методом, она предполагает проведение исследования в коммуникационных практиках. Поэтому первым шагом является определение самой практики. Так, мы могли бы, например, изучить практику научных конференций, а в рамках этого исследования изучить эту коммуникацию на конференции как дисциплину и как область. И таким образом мы бы определили нашу практику как научные конференции. Мы изучили бы эту конференцию, внимательно наблюдая за проведением и обсуждением практик. Это метадискурс данной практики. То, как люди оценивают происходящее вокруг. Своё отношение, хорошее и плохое. И на основании этих качественных данных «приземленная практическая теория» приводит нас к тому, что мы называем теоретической реконструкцией практики. И что, по сути, практические способы, которыми проводятся практики, являются субъективными для критической рефлексии. И теория представляет собой идеализацию научной конференции, которая, будем надеяться, включает в себя ценности и принципы, подразумевающиеся на практике. А также предоставляет своего рода основу для хороших практик и критических суждений практики. И вклад «приземленной практической теории» – это своего рода нормативное требование, требование к проведению практики.

Теперь я хочу немного остановиться на теоретической реконструкции, являющейся частью этого процесса. Мы утверждаем, что практика может быть реконструирована на трех уровнях. Есть, прежде всего, уровень проблем. Проблемы – это такие фундаментальные дилеммы, с которыми вы встречаетесь при проведении практики. Например, в практике научных конференций есть классическая конфликтная ситуация: предоставить ли людям возможность высказывать их идеи в полном объеме или же ограничивать их по времени. Например, я переживаю из-за старта презентации с 15-минутным опозданием, хотя должен был начать в 11:00, причем моя речь могла еще и затянуться. Дилемма заключается в том, в какой степени вы готовы пожертвовать расписанием, чтобы дать возможность индивидууму высказать свои идеи, либо можете остановить его, сказав «время вышло». Так мы увидим, что произойдет.

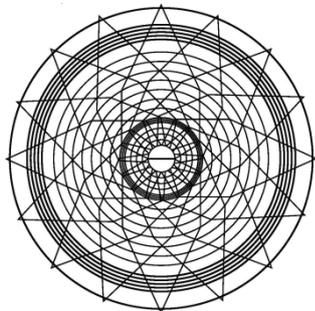
Вот пример напряженности или дилеммы, присущей практике научных конференций. Технический уровень. Перечень стратегий и приемов, которые используются в данной дилемме. Все вы прекрасно знаете, что у нас есть программа, т.е. специальная тайм-карта, которая используется во время конференции, чтобы попытаться помочь выступающим уложиться по времени. И это способ управления этой дилеммой, который явно подчеркивает важность расписания. И тогда, наконец, мы имеем условные идеалы, которые обосновывают принципы, регулирующие использование техники. Поэтому мы чаще используем тайм-карты, потому что очень важно следовать графику, потому что в конференции принимает участие большое количество людей, каждый из которых нуждается в том, чтобы выразить свою точку зрения. Это серьезное нормативное нарушение - позволить спикеру распоряжаться временем и таким образом отнять его у другого, поэтому все серьезно. С другой стороны, есть более анархическая позиция : «Привет, вы знаете, если вы здесь и у вас есть что сказать, то неважно, сколько времени это займет. А все остальное будем корректировать». Другими словами, существует множество нормативных вопросов, связанных с данной дилеммой, и они могут быть осмыслены философски.

Поэтому я не собираюсь об этом говорить, но я просто хочу дать вам знать, что поскольку идея «приземленной практической теории» была впервые опубликована в 1995 году, она оказалась применена во множестве различных направлениях научных исследований (см. об этом [Craig, Tracy, 2014]). И вот некоторые из коммуникативных практик, которые были изучены таким образом. Но сегодня утром я собираюсь сосредоточиться только на одной, и это работа, которую Карен Трейси написала в 1990-е годы, когда мы разрабатывали эту идею на академическом коллоквиуме. Как мы могли бы изучить эту конференцию в качестве примера практики научных конференций, так и Карен Трейси изучала академический коллоквиум, который, в свою очередь, используется на университетских факультетах, где некоторые регулярные встречи или серии совещаний, как правило, проходят с привлечением преподавателей и аспирантов. Вот что происходит на этих встречах: кто-то представляет свои текущие исследования, за этим следует их обсуждение. Презентация и обсуждение обычно сопровождаются дальнейшими вопросами и обсуждениями.

Так что у вас есть вопросы к спикеру, вопросы и ответы. Существует сложный вопрос, о котором я хочу поговорить: как назвать эту практику коллоквиума с точки зрения коммуникаций? Трейси решила назвать это интеллектуальной дискуссией. Она могла изучать совсем другое, например последипломное образование или публичные выступления. Но для исследования она выбрала интеллектуальную дискуссию, чтобы сфокусироваться на ситуации, в которой группа разных людей, студентов с разных факультетов, участвует в дискуссии за пределами учебной аудитории. Это академическое общение между людьми разного статуса. Практика была названа интеллектуальной дискуссией. Данные были собраны путем записи и стенографирования коллоквиумов, полевых заметок, интервью с участниками коллоквиума в нескольких институтах. При анализе всей этой информации Трейси получила интеллектуальную или теоретическую реконструкцию того, что происходит во время коллоквиума, об этом написана целая книга. Я приведу только несколько примеров того, что она обнаружила. На уровне проблемы одна из вещей, которая появилась как очень важная практика внутри практики коллоквиума, - это обращение с вопросами. Вопросы оказываются чувствительной практикой в разностатусной группе, особенно когда спикеру задают сложные вопросы. Имеет значение, кто задает вопрос и кому нужно на него дать ответ. Если человек высокого статуса в учебном учреждении, например преподаватель, задает жесткий вопрос студенту, это может расцениваться по-разному. С одной стороны, это знак уважения: если студент выступает с презентацией и у меня достаточно уважения к нему, я думаю, что могу задать ему сложный вопрос, и это не будет проблемой. Это говорит о хорошем уровне студента. С другой стороны, это может расцениваться как запугивание: бедный студент в бедственном положении, беспокоится о том, что происходит, и я, как вредный преподаватель, обращаюсь к нему с тяжелым вопросом и заставляю тем самым чувствовать себя еще более неловко. Я тиран, запугиваю его. Так кто же я на самом деле?

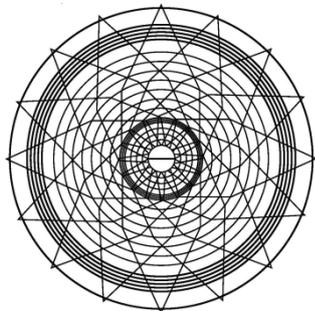
Я тот, кто уважает студента, или тот, кто запугивает его? Если же студент задает преподавателю сложный вопрос, это может быть признаком интеллектуальных способностей студента, способности вникать в материал на таком уровне. Но в то же время, это может выглядеть как неуважение. Это один из примеров проблемы в коллоквиуме. И теперь пример способа, который используется, по меньшей мере, некоторыми преподавателями, чтобы не выглядеть тираном. Одна вещь, которую вы

можете сделать – это задать свой вопрос таким образом, который что-то подразумевает (это совершенно нормально, что студент не знает ответа, возможно, он об этом никогда не задумывался). Это способ задать вопрос, который не поставит студента в неловкое положение, и вы избежите запугивания. Но в то же время, вы должны остерегаться излишней заботы и покровительственного тона, чтобы не продемонстрировать отношения к студенту как к ребенку. Таким образом, идентичность имеет значение при ответах на вопросы. Поэтому Трейси утверждала, что условный идеал, который имеет место, когда люди борются с этой проблемой, заключается в том, что они должны балансировать. Коллоквиум преследует несколько целей. Одна из них, которую она называет диалектической, связана с интеллектуальной дискуссией, и в этом смысле чувства людей не имеют значения: важно, что есть критическая дискуссия, сосредоточенная на идеях. С другой стороны, коллоквиум является также общественным институтом. Он зависит от группы людей, которые сотрудничают в этом процессе, и поддержание этого сообщества очень важно. При проведении коллоквиума для нас важно сбалансировать эти потребности интеллектуальной строгости, с одной стороны, а с другой – сохранения общества в группе. Это пример анализа «приземленной практической теории», и мы можем себе представить, каким образом это может быть применено к анализу конференции.

У меня осталось немного времени, и я собираюсь использовать часть его, чтобы обсудить культурно-историческую теорию как что-то противоположное. Культурно-историческая теория – это аналитический подход к практике, закрепившийся в русских традициях диалектического материализма и культурно-исторической психологии. Выготский, Леонтьев, Энгельс рассматривали ее. Последний проделал важную работу по теории деятельности в течение последних нескольких десятилетий.

С позиций трактовки науки о коммуникации как практико-ориентированной дисциплины, каким образом культурно-историческая теория соотносится с «приземленной практической теорией» как способом соединения коммуникационной теории и практики? В очень упрощенном виде некоторые принципы культурно-исторической теории выглядят следующим образом: во-первых, практика предполагает целесообразное использование средств (материальных или концептуальных артефактов) субъектом (действующий индивид или группа) для преобразования объекта. Если я использую инструменты для резьбы по дереву, чтобы сделать из дерева скульптуру, я включен в практику. Заметим, что это очень похоже на Аристотелевскую схему, на то, что он назвал «техне», культурно-историческая теория в этом смысле больше относится к «техне» или работе, к производству – в сравнении с «приземленной» практической теорией. Но эта идея того, что деятельность в основном включает в себя, – это воздействие на объекты индивидуальными или групповыми субъектами для того, чтобы сделать какую-то работу. Контекст практики, во-вторых, – это исторически развивающаяся система коллективной деятельности. Иными словами, практика всегда проходит в историческом и социальном контексте и очень важно его понять. В-третьих – и это место, где появляется диалектический материализм, контекст практики, противоречий в практической системе, этот вид придуманной социокультурной практической системы, которая меняет эволюцию в деятельности, становится результатом появления противоречий. Возможно, инструменты не приносят желаемого результата или, вероятно, есть разные идеи о том, что является объектом деятельности. И поэтому на основе этого возникает конфликт. Исследование культурно-

исторической теории в таком случае в основном вмешивается в системы деятельности с целью содействовать изменению путем освещения противоречий и стимулирования размышления об инструментах, которые используются в этой деятельности.

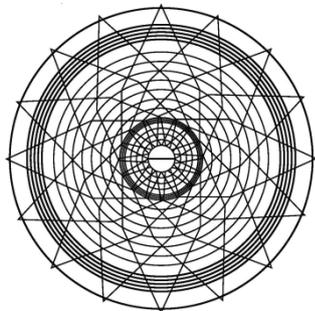
Это схема из работы Энгестрема, интересной работы, поскольку она представляет собой анализ культурно-исторической теории. Энгестрем говорит, что теория деятельности - это деятельность. Мы можем проанализировать ее, взглянув на предмет - группу ученых, которые вовлечены в теорию деятельности. Если мы применим это к нашей конференции, предметом будем все мы. Мы все создаем эту конференцию, предмет – группа ученых/студентов. Объект конференции - это обсуждаемые вопросы, поэтому на нашей конференции объект - наука о коммуникации и как научная дисциплина, и как практическая область.

Мы как участники конференции собираемся использовать различные промежуточные артефакты, такие как презентации PowerPoint, синхронный перевод, разные теории, теория активности, русский и английский языки, язык теории коммуникаций. Мы будем применять все эти артефакты, чтобы воздействовать на объект. И мы надеемся получить результат, поделиться опытом, чтобы выстроить диалог. То есть объект – это диалог. Мы хотим взять науку о коммуникации как дисциплину и сферу деятельности и работать над этим объектом, чтобы создать диалог. В этом деле мы должны помнить и даже неизбежно будем помнить о разделении труда на конференции. Люди играют разные роли и могут иметь разные представления о своей роли. Мы представляем большие сообщества, когда вовлечены в этот процесс (связи с общественностью или академические исследования коммуникаций и пр.).

Все роли – это общепринятые правила, которые используются в этой деятельности, поэтому я говорю про время, мне нужно больше времени. Мы все восприимчивы к правилам, все они имеют значение, и с их помощью мы вместе придем к итоговому результату. Это наша система деятельности. И мы можем приступить к анализу противоречий в этой системе. Я не знаю, что они из себя представляют, но давайте подумаем об этом во время конференции. Будет ли это приводить к развитию конфликта или напряженности, что будет как-то менять деятельность, которой мы занимаемся? Это очень краткое представление о деятельности.

Итак, культурно-историческая теория и «приземленная практическая теория» - еще раз очень кратко упомяну о сравнении этих двух теорий. Некоторые сходства: теории развиваются из наблюдения и критического анализа практики или деятельности. Понятие проблемы является центральным в обеих теориях. Напряженность, дилеммы, противоречия находятся в центре внимания. В-третьих, инструменты (или методы) являются также центральными объектами внимания в обоих подходах. У нас есть предмет, объект, промежуточные артефакты или инструменты. Обе теории призваны информировать практическую рефлексию. В каком-то смысле они очень похожи.

Тем не менее в некоторых отношениях интересно совсем другое. Я не буду занимать время, чтобы обсуждать каждый из этих пунктов подробно, но вы можете видеть различие, с одной стороны, между подходом, который груб и прагматичен, и с другой - Аристотелевской философией, которая действительно ставит вопрос о действии, о том, что я должен делать. В центре внимания на самом деле - индивидуальное действие, в отличие от системы коллективной деятельности, которая находится в центре внимания теории деятельности. Теория деятельности – это более производственно-

ориентированный подход, предметом изучения в рамках которого является совместная работа и производство продукции.

В противоположность институциональной практике, которая достаточно продуктивна, «приземленную практическую теорию» больше интересует, как мы это делаем, а не конечный продукт нашей деятельности. Культурно-историческая теория представляет собой, скорее, исторический подход, это больше касается обучения и изменений. «Приземленная практическая теория» подчеркивает идеализированную реконструкцию практики и говорит, что это суть практики. Она не настолько ориентирована на проблемы, изменения или обучение. Культурно-историческая теория больше ориентирована на конфликт и противоречие и на то, что из всего этого может выйти. Существует интересное различие между понятием "техника", которое имеет отношение к выбору способа сделать что-то, в отличие от идеи промежуточных артефактов, согласно этой концепции, процесс деятельности зависит от этих артефактов. Поэтому на самом деле это не столько вопрос выбора инструмента, сколько вопрос о том, какой инструмент способствует формированию вашего выбора, что и описывает теория деятельности.

И, наконец, вопрос вмешательства. Оба подхода претендуют на практичность, но подход «приземленной практической теории» является более косвенным в том смысле, что он влияет на практику, содействуя нормативному метадискурсу, в то время как исследования культурно-исторической теории подчеркивают прямое вмешательство. Исследования в рамках культурно-исторической теории и будут, в конечном счете, «предлагать» нам, что мы должны делать, и так далее. Прямой вид вмешательства.

В заключение я хотел бы сказать - у меня есть две надежды относительно этой презентации. Во-первых, что эти замечания по практическим дисциплинам, «приземленной практической теории» и культурно-исторической теории будут способствовать дискуссии о путях соединения теории коммуникации с практикой. Во-вторых, что практика или деятельность нашей конференции станет более рефлексивной, и мы, наконец, спросим, что же является предметом данной конференции.

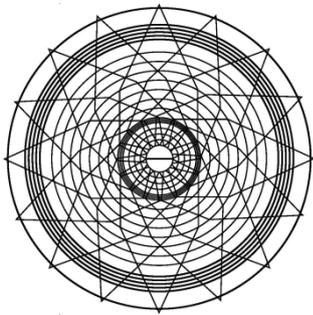
С какими дилеммами предстоит нам столкнуться, что бы ни было на этой конференции? Какие противоречия существуют в нашей деятельности? И наконец, что нам делать? Это вопросы, над которыми нужно поразмышлять на нашей конференции и надеюсь, что это будет полезно. Большое спасибо!

БИБЛИОГРАФИЯ:

Craig R.T. (2006). Communication as a practice // Shepherd G.J., John J.St., Striphas T. (eds) *Communication as ...: Perspectives on theory*. Thousand Oaks, CA: Sage. P. 38-47.

Craig R.T. (2008). Communication in the conversation of disciplines. *Russian Journal of Communication*. Vol. 1. No. 1. P. 7-23. doi: 10.1080/19409419.2008.10756693.

Craig R.T., Tracy K. (1995). Grounded practical theory: The case of intellectual discussion. *Communication Theory*. No. 5. P. 248-272.

[Scientific Articles]

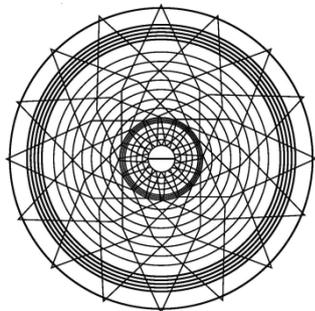
Craig R.

*Communication as a practical discipline: engaging theory
with practice*

Craig R.T., Tracy K. (eds) (2014). Special issue: Building grounded practical theory in applied communication research. *Journal of Applied Communication Research*. Vol. (3). P. 229-343.

Engestrom Y., Miettinen R., Punamaki, R.-L. (eds) (1999). *Perspectives on activity theory*. New York: Cambridge University Press.

Tracy K. (1997). *Colloquium: Dilemmas of academic discourse*. Norwood, NJ: Ablex.

COMMUNICATION AS A PRACTICAL DISCIPLINE: ENGAGING THEORY WITH PRACTICE

Craig R.

Ph.D., Professor Emeritus, University of Colorado
Boulder, USA.

robert.craig@colorado.edu

Abstract:

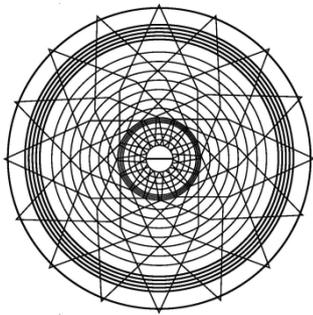
This article is an official translation into Russian of a keynote talk by Robert Craig during the conference “Communication as a discipline and as a field: sharing experiences to construct a dialogue” (9–11th July 2015, HSE, Moscow).

Among various intellectual disciplines that populate the academy, practical disciplines have it as their distinct mission to cultivate particular fields of social practice. Engaging theory with practice becomes essential for communication studies in both its theoretical and practical dimensions. Theoretically, the problem is to deepen our knowledge and understanding of communication in ways that have the potential to inform, or even transform, practices of communication in society. Practically, the problem is to cultivate reflexive forms of practice that apply our knowledge and our understanding of communication to practical problems.

This keynote distinguishes some basic philosophical views on the problem of engaging theory with practice that have emerged in Western thought from ancient to modern times, and in that light reflects critically on more specific theoretical–methodological approaches in engaging theory with practice that currently seem to hold promise for advancing communication research.

These will include approaches such as “activity theory” influenced by Russian thought traditions, as well as “practical theory” approaches influenced by American pragmatism.

Keywords: communication, obshenie, communication education, communication skills, communication disciplines, communication programs, communication as an area of training

REFERENCES:

Craig R.T. (2006). Communication as a practice // Shepherd G.J., John J.St., Striphas T. (eds) *Communication as ...: Perspectives on theory*. Thousand Oaks, CA: Sage. P. 38-47.

Craig R.T. (2008). Communication in the conversation of disciplines. *Russian Journal of Communication*. Vol. 1. No. 1. P. 7-23. doi: 10.1080/19409419.2008.10756693.

Craig R.T., Tracy K. (1995). Grounded practical theory: The case of intellectual discussion. *Communication Theory*. No. 5. P. 248-272.

Craig R.T., Tracy K. (eds) (2014). Special issue: Building grounded practical theory in applied communication research. *Journal of Applied Communication Research*. Vol. (3). P. 229-343.

Engestrom Y., Miettinen R., Punamaki, R.-L. (eds) (1999). *Perspectives on activity theory*. New York: Cambridge University Press.

Tracy K. (1997). *Colloquium: Dilemmas of academic discourse*. Norwood, NJ: Ablex.